

Кристина Той

руины в цветах

Звездная коллекция молодежной прозы

Кристина Той
Руины в цветах

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Той К.

Руины в цветах / К. Той — «Издательство АСТ»,
2023 — (Звездная коллекция молодежной прозы)

ISBN 978-5-17-157623-3

В 2012 году начался мировой конфликт, который унес жизни более половины населения планеты... И его последствия необратимы — разрушенный озоновый слой, полное уничтожение природы из-за взрывов, пожаров и радиации. Спустя тринадцать лет жизнь возможна только под куполом. Что происходит за его пределами — остается только догадываться. Но и без того хрупкий мир девочки-подростка Ани внезапно рушится, когда начинается охота на новое необычное поколение подростков. Так ли они опасны, как о них говорят? И что делать если ты... один из них?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157623-3

© Той К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Плейлист	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кристина Той

Руины в цветах

Иллюстрация на обложку и в блок LINK
Дизайн обложки Екатерины Климовой

Copyright © Кристина Той, 2023

© LINK, иллюстрация

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Бесплодная, стеревшая земля
начала прорастать.
Деревья, кусты, трава –
все это словно поднималось
из пепла.
Они зацветали алыми красками...*

Плейлист

Extreme Music – Bring Me To Life
Like A Storm – Break Free
Bullet For My Valentine – Tears Don't Fall
Seether & Amy Lee – Broken
Sum 41 – With Me
Red – Hymn For The Missing
Evanescence – My Immortal
Peter Andre – Only One
Bullet For My Valentine – P.O.W.
Hoobastank – The Reason
Bullet For My Valentine – Road To Nowhere
Foo Fighters – Tired Of You
Pendulum – Witchcraft
Pendulum – Crush
Three Days Grace – Give In To Me
Darren Hayes – Roses
Sting – Fragile
Within Temptation – Angels
Takida – To Have And To Hold
Matthew Barber – Where The River Bends
Aspen Grove – July 19

Плейлист составлен Аленкой (t.me @al_mo_bookss)

В голову не пришло ничего путного, что я могла бы сказать вам о книге до ее первой главы, поэтому скажу только то, что пока вы читаете ее, помните: все законы, ситуации и персонажи в ней – выдуманные.

Любые совпадения – случайны.

Доводилось ли вам когда-нибудь наблюдать за красным небосводом в двенадцать часов дня? Это был последний день ядерной войны – тогда запустили самую мощную ракету – МОР I, положившую конец нормальной жизни человечества. Все небо, усыпанное миллионами звезд, вмиг запылало в огне. С чем бы я мог сравнить это?.. Смело могу сказать: ад уже долгое время был рядом, и в тот момент мы просто сорвали с него последние декорации земных реалий.

Всего через месяц после ее запуска случилось невозможное – в бесплодной, как всем казалось, почве появились намеки на жизнь. И словно напоминание о том, что натворил человек, все растения вокруг как будто напитались кровью. Представьте себе алые ростки, через года вырастающие в алые леса. Что стало с черными морями, загрязненными людьми – не известно. Но одно мы знали точно: кислорода на Земле больше не было.

12 августа 2012 года – этот день считается началом отсчета новой эры. День, когда началась Третья мировая война. Сразу восемь стран выпустили ядерные ракеты по соседним государствам. В результате ужасающей войны, которая продлилась пять лет, погибло более трети населения планеты.

Но еще в начале военных действий создатели ракеты МОР I возвели над несколькими большими городами купола высотой около километра. Нет, изначально купола возводились без расчета на то, что ракеты все-таки запустят. Дело в том, что в ходе войны постепенно разрушался озоновый слой. Погубил свой дом сам человек.

Из рассказа Миши Слота.

Эрику и Анне

Глава 1

14.05.2030

Аня бегала глазами по комнате, наблюдая за тем, как яркие лучи задорно танцуют на лице спящего брата. Много раз она слышала в свой адрес, что ей повезло застать то время, когда солнце согревало землю, но сама она всегда пожимала плечами и отвечала, что не помнит, каково это – ощущать тепло большой звезды на коже. Для нее бетонные стены стали совсем родными. В отличие от сверстников, Аня не пыталась каждый день поймать момент смены искусственного освещения на настоящее солнце, возвышающееся над куполом. Считала это поводом лишний раз расстроиться. Расстроиться и вновь неосознанно вернуться к мыслям о своей настоящей семье. Она была единственной из них, кому удалось пережить войну, и то благодаря другу отца – генералу Мише Слоту. Он нашел ее в еще уцелевшем жилом доме и приютил в этих бетонных секторах.

Глядя на Аню – худую, с бледной кожей и светлым, почти белесым цветом волос, – сразу можно было догадаться, что она не родная сестра Эрика. Вот он – спит напротив, по другую сторону комнаты, и совсем на нее не похож. Смуглый, кудрявые волосы цвета смолы и темнокarie глаза. Точная копия ее спасителя, сын своего отца. А кем был ее собственный отец, Аня знала только по рассказам Миши. Человек, которого она не помнила, работал военным инженером. Так он и погиб – на поле боя. Иногда Аня представляла себе, как он, безымянный солдат, не успевший проститься с родными, лежит где-то в земле за тысячи километров от стены в куче таких же «безымянных» тел. А отцом его дочь теперь называет его лучшего друга. О матери Аня не знала вообще ничего. Никто из посвященных так и не рассказал ей, что Мариса не смогла пережить смерть новорожденного мальчика, а после и потерю мужа. Окутанная невыносимой печалью, она шагнула в окно. Вот и получилось, что по сей день в голове Ани мама была жива.

Все, что Аня помнила из тех времен – так это то, как она проснулась в холодной квартире на кровати родителей, совсем одна. Окно было распахнуто, и морозный ветер, залетающий в комнату, заставлял вздрагивать занавески и развороты старых газет на журнальном столике. Но проснулась она не от холода, нет, а от стука в дверь. Вскочив и открыв ее, Аня с непониманием рассматривала папиного друга в военной форме и двух полицейских, стоявших за ним. Гости спросили, дома ли мама, на что Аня сонно пожала плечами. Миша присел и протянул к ней руки, старательно сдерживая слезы, а молчаливые солдаты отвернулись, делая вид, что

разглядывают стены. Никто не хотел и не знал, как сказать трехлетней девочке, что ее мать лежит на холодном бетоне по ту сторону окна.

После этого Миша привез Аню к себе и сказал, что теперь она будет жить с ними. Война длилась уже больше трех лет, потому Эрик и Аня ни разу не встречались до этого момента, хоть их отцы и дружили. Тихой скромной девочке было не до новых знакомств, но она сразу поняла, что ее новый друг не даст ее в обиду, и с первого же дня поселилась в его комнате. Спала она на детской кровати в виде машинки «Формулы-1», а Эрик, не закатывая сцен, временно переселился на пол. На обычный матрас от старой кровати.

Сегодня Ане исполнилось шестнадцать лет, по законам послевоенного времени этот возраст считался совершеннолетием. Теперь ей предстояло выбрать профессию, чтобы стать полезной для общества, или же, как грозила мачеха, ее отправили бы к сброду в первый или второй сектор.

Аня пыталась заставить себя встать с кровати, но ощущение, что тело ее – неподъемный кусок металла, только усилилось. Каждый день она вела борьбу между желанием жить как нормальный, «полезный» человек и желанием бросить все, скатившись к «сброду». Сейчас это была очередная маленькая победа. Аня вновь открыла глаза и, широко зевая, села на край матраса. Неохотно потянулась к небесам, нарисованным на потолке, тем самым поправив лямку майки, сползшую с плеча, и взглянула на часы.

– Эрик, – прошептала она так, словно смирилась со всеми катастрофами этого мира. – Ты работу проспал.

Опаздывать в этом мире полезных людей было нельзя: сразу выдадут штраф, запишут в личное дело и этим попортят репутацию, а дальше, как говорится, по накатанной. Поэтому Аню, привыкшую вечно опаздывать на уроки, немного удивило спокойное поведение брата. Он опаздывал редко, но именно в такие моменты сестра наблюдала его воистину воинственный настрой. Прямо как учил их отец в детстве. А вот Аня, что в детстве, что сейчас, любила подолгу любоваться на искусственные лучи и раздражала взрослых своей нерасторопностью.

– Сегодня же четырнадцатое? – тихо спросил он, даже не пошевелившись.

– Четырнадцатое.

– Мая?

– Мая.

– Значит, все верно, – ответил Эрик, накрываясь одеялом и поворачиваясь лицом к стене с таким усилием, словно мягкий матрас был тягучей лужей. – У тебя же день рождения, я попросил выходной еще в начале месяца. Поэтому собирайся на учебу, получай хорошие оценки... А после мы поедem в третий сектор, праздновать.

– Правда?

Голубые глаза на бледном лице распахнулись от удивления. Да, их семья не была бедной, и уж тем более им было далеко до «сброда» в первом и втором секторах, но и денег на поездку в другой сектор никто бы из родителей не выделил. «Бессмысленные» расходы на дорогу, на аренду жилья, потому что на последний вечерний поезд они точно не успеют, и уж тем более на «незаслуженные» забавы.

«Все эти развлечения и попытки построить мир, каким он был до катастрофы – пыль в глаза. Мы словно в воображаемом кошмаре на краю пропасти», – повторяла Эрику мать на любые просьбы сходить куда-то всем вместе. И это понятно. Ей было страшно. Страшно, что сломаются стены, страшно, что семья все же опустится за черту бедности, и они будут драться друг с другом за кусок хлеба. Страшно было и самой Ане.

– Дорого же...

– Пусть деньги останутся моей заботой. А прогуляешь занятия – я передумаю.

У Ани не было сомнений: он с ней прощается.

* * *

– *Внимание! Они очень опасны! Если вы знаете мутировавшего человека, немедленно сообщите властям! Для помощи в выявлении таких людей обратитесь к любому офицеру или воспользуйтесь сайтом администрации. Самосуд запрещен! Повто...*

– Выключи! – процедила Аня сквозь зубы и крепко закрыла уши.

– Эту рекламу нельзя пропускать, – виновато прошептал Макс, выключая телефон и пряча его в карман. – Ладно, видимо, потом посмотрю.

– Гребаная пропаганда. Уже снится, – продолжила шипеть Аня.

– Какая пропаганда! Ты знаешь, какие они опасные! – Вина в его голосе резко сменилась испугом.

– Какие?

– Они агрессивные! Ты же видела в трансляции!

Конечно, она видела и то, какими пытались показать мутантов. Трансляция публичной казни: по ту сторону экрана человек, с виду не отличавшийся от нее и Макса, просто защищался, когда его убивали. Аня всегда вспоминала забавную присказку про кол в сердце вампира: «Ведь обычный человек не умрет, если ему кусок древесины в сердце воткнуть?» Сама она говорила так: «Ведь обычный человек не станет защищаться, просто желая выжить?»

– Ты вообще в курсе, что у нас в школе случилось? На прошлой неделе Жнецы пятого сектора пришли к парню из параллельного класса. Он согласился на лечение, а вчера у него случился приступ агрессии, он напал на врачей... Кажется, его медикаментозно усыпили.

«Как дворнягу», – с отвращением подумала Аня, а вслух сказала:

– Да что за нелюди? – Она произнесла это довольно громко и, к сожалению, в тот момент, когда в класс вошла учительница.

– Что за разговоры? Анна, только вас и слышно! Есть чем поделиться с нами? Так поделитесь! – недовольно произнесла тощая женщина в черном обтягивающем платье и направилась к Ане.

Каждый шаг заставлял кости ее таза выпирать вперед – такова была особенность пугающей походки Анабель Бор, учительницы истории.

– Вы все еще не запомнили, что, если учитель присутствует в классе, должна быть полная тишина?! Или хотите получить отрицательную характеристику в аттестат?

«Конечно,» – подумала Аня. Ни знания, ни оценки давно не являлись показателем того, что тебя возьмут на работу. Только хорошая характеристика.

– Что вы! Вот Макса убеждаю, что история – интересный предмет. – Аня, стиснув зубы, попыталась мило улыбнуться, но понимала, что выражение ее лица сейчас не лучше, чем тогда, когда на спор ей пришлось сжевать лимон. Впрочем, она знала: все обойдется. Анабель не умела отличать сарказм от правды.

– Анна, раз уж мне предстоит выдать вам мало-мальски положительную оценку, начнем опрос с вас. Сколько секторов сейчас насчитывается на планете?

– На нашем континенте – пять. Другие континенты не изучены после войны.

– Кто принял решение их возводить?

– Леди пятого сектора, Мира Соколь.

– Никогда не забывайте добавлять, что Мира Соколь начала строить их вместо того, чтобы воевать. Это было одно из самых важных решений для человечества. Строить! А не разрушать! Если бы не она, нас бы не было в живых сейчас. А теперь вы же мне и ответите, чем важен каждый сектор.

Аня знала эту информацию; знала, что и ее стоило добавить в ответ – их заставляли заучивать это лучше, чем теоремы и формулы. Знала, и все равно медлила перед тем, как

продолжить отвечать. Ее пугала агрессивная манера допроса учительницы. И вот случилось то, чего она больше всего боялась: она все забыла. То, чему учили с пеленок, превратилось в пустоту. Поэтому Аня выдала то, что еще смогла выудить из кусочков памяти.

– Секторы № 1 и № 2 – самые маленькие, по площади сравнимы с бывшей столицей России – Москвой. Поскольку возводились они в качестве эксперимента, то и застроены по большей части домами, к сожалению, не совсем пригодными для нормальной жизни. Здесь поселились беженцы, выжившие после войны, и правительство не сильно заинтересовано в перестройке этих секторов.

– Чем он важен? – поторапливала Анабель, терпение ее явно было на исходе.

– П – производственная часть. Вся опасная промышленность концентрируется в этих секторах.

– Только не вздумайте ляпнуть это где-нибудь на собеседовании.

С первых парт слышались смешки, и страх Ани сменился злостью.

– А что?! Правда глаза режет? Неприятно, что там на людей плевать хотели? А чем важен третий сектор? М? Развлечениями, музеями и аттракционами? И как? Часто удается убежать от реальности и страха, что вот-вот эти чертовы купола лопнут?!

В классе повисла тишина. Аня поправила форму элитной гимназистки, которая в миг ей стала словно мала, и выпрямила спину.

– Дело не в том, что правда, а что нет, Анна Слот. Дело в том, что люди хотят от вас услышать. Научиться понимать это и использовать – вот показатель того, что вы достаточно осознанны для совершеннолетия. А если вы бунтуете вместо того, чтобы что-то менять, – это откидывает вас на одну ступень с ребенком.

Ступень. Откидывает. Одни ступени. Всю жизнь их учат видеть мир в карьерных ступенях, где каждый «не тот» шаг – пропасть и страх. Волна апатии и беспомощности захлестнула Аню. Невидимый ошейник на ее шее затянулся, на миг перекрыв кислород. Но ей хватило сил вдохнуть еще раз.

– Макс, вам, по праву сидящего рядом, следующий сектор.

– Сектор № 4 – промышленный. Славится двумя заводами: сладостей и техники. Завод сладостей – единственный, производит кондитерские изделия на все пять секторов. Но технический завод в сложившейся ситуации более важен. От него зависят все купола, их работа и безопасность.

При упоминании о заводе сладостей Анабель возмущенно вскинула бровь, но не успела ничего сказать. Макс поспешил заработать дополнительный балл.

– Сектор № 5 – центральный, здесь находится управленческая часть. По площади его можно сравнить с довоенным Сиднеем – крупнейшим городом Австралии, двенадцать с половиной тысяч квадратных километров. Также пятый сектор называют столичным, здесь решается множество вопросов, связанных с восстановлением, медициной, научным прогрессом, законом и порядком. Проживают тут преимущественно богатые семьи и семьи глав правительства.

– Сектора, их строение и значение? Когда их возвели и зачем? – произнесла Анабель тоном, которым старательно заваливала лучших учеников.

– После войны была проведена глобальная перестройка. Защитные купола расположили рядом, что помогало людям восстановить нормальную жизнедеятельность. Не осталось ни стран, ни наций. Просто выжившие. Чтобы добиться возобновления кислородных ресурсов, пришлось строить бетонные блоки для сохранения почвы под секторами. Все сектора напоминают огромные бетонные горшки с землей, позволяющей сохранить растения такими, какими они были до войны: их структуру, цвет и функции. Четыре сектора расположены вокруг центрального и соединены между собой опоясывающим скорорельсом. Скорость поездов по нему достигает пятисот километров в час, поэтому дорога между секторами занимает максимум

четыре часа. Центральный же соединен с каждым напрямую, так что время пути между ним и любым другим в два раза меньше. Над скорорельсами возвышается трехметровый купол. Это помогает защитить дорогу и поезда от предполагаемых выживших хищников, не давая тем прыгнуть под поезд и нарушить движение, – закончил Макс.

– Дай бог вам закончить академию с положительной характеристикой, Макс. Связались же вы на свою голову с этой особой.

«*Бога в этом мире давно нет*», – хотелось выкрикнуть Ане вслед уходящей учительнице, но она промолчала и прикрыла глаза.

«*Быть где угодно, но не здесь*». Где угодно, но не здесь. Не в этих белых стенах, полных искусственного света, с лицемерными людьми и их попытками верить в прекрасное будущее. Пусть это будет балкончик на берегу моря, где она сидит, свесив ноги, словно одна из героинь старых фильмов. Наслаждается видом полудня, слушает шум прибоя и не думает о том, как выжить в гребаном мире, где по лестнице благополучия можно сделать всего один шаг вперед и бесконечное множество – назад.

Где угодно, но не в стенах академии, не в стенах купола... И тем более не дома.

* * *

После войны и перестройки собственное жилье считалось роскошью, но Миша Слот получил его как военнослужащий. Квартира была небольшая: коридор с обоями стандартного бежевого цвета (не менявшимися с момента переезда), две комнаты и кухня, расположенная напротив спальни Эрика и Ани. Так как солнечная сторона дома досталась ребятам, кухню пришлось освещать посредством светлых обоев и ламп. И теперь казалось, что там всегда лето.

Это место стало любимым у Лиды Слот. Чего нельзя сказать о комнате детей: она туда вообще не заходила. С самого начала Лида холодно приняла Аню, ведь, зная характер мужа, была уверена, что Миша будет любить приемную дочь не меньше, чем своего сына. А что, если и сын полюбит ее больше, чем Лиду?

Эта ревность лишь только разгоралась, но ее вполне хватило на тот момент, чтобы количество раз, когда Аня проходила по коридору и заглядывала в комнату родителей, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Недовольство Лиды подогревалось тем, что, по просьбе отца, Эрик спал теперь на полу, а через пару дней к нему перебралась и Аня. Каким возмутительным показалось это Лиде! Она долго говорила с ребятами о том, что им не стоит спать вместе, но все было бесполезно.

Со временем Эрик, окруживший Аню заботой, стал ей самым близким человеком на этой планете. И она всегда считала, что на плечи брата, который был старше ее всего лишь на два года, упало слишком много проблем. Теперь, когда они все еще жили вместе, но уже по разные стены комнаты, Аню не покидала мысль, что вся эта забота Эрика – не по-настоящему.

* * *

– Я готова!

Аня ворвалась в квартиру быстро, как метеор, что было ей несвойственно, и бросила рюкзак на пол в коридоре. Затем торопливо сняла кеды и начала искать Эрика: осмотрела сперва комнату, после, осторожно приоткрыв обычно распахнутую, а сейчас закрытую дверь, заглянула на кухню.

Там был не только Эрик. За столом спиной к Ане сидел рыжий парень. По наступившей тишине и устремленному на нее взгляду Эрика Аня поняла, что своим появлением прервала важный разговор. Незнакомец медленно обернулся и осмотрел ее с головы до ног. Ухмыльнулся. С виду он был ровесником Эрика. Его заостренное лицо напоминало морду хитрого

лиса. Она недолго всматривалась в него и, кроме выразительных скул, отметила небольшой шрам, рассекающий левую бровь.

– Вот это у тебя фигура! Ничего лишнего! – Ухмылка не сходила с его лица.

– Я кастрирую тебя, если хоть пальцем ее тронешь! – моментально вскипел Эрик.

– Понял – принял. Только смотреть, – примирительно развел руками рыжий.

– Дюк, ты человек умный, не хочу ломать тебе челюсть сейчас, когда у нас еще много незаконченных дел.

Лицо гостя сразу стало серьезным.

– Ты жесток. Я тебя понял, повторять не надо.

– Меня не будет три дня, не бей тревогу.

Эрик встал из-за стола и направился к выходу. Аня, словно запуганный зверек, поспешила следом.

– Три дня, говоришь... Я буду скучать по тебе, Эрик.

Дюк покинул кухню вслед за Аней и вновь пристально осмотрел ее, на этот раз со спины. Эрик не останавливаясь прошел в комнату за вещами, которые они с сестрой в спешке собрали утром. Оставшись в коридоре с Аней, гость не спешил уходить.

– Был рад познакомиться, – прошептал он, наклоняясь к лицу Ани и почти касаясь своим слегка вздернутым носом ее щеки. От такой неожиданности Аня широко раскрыла глаза. Она замерла на месте, руки, стягивающие кофту на месте выреза, судорожно прикрывали грудь.

– Не... не...

– Не взаимно, она хочет сказать, – перебил растерявшуюся Аню Эрик. – Отойди, не пугай ребенка. – Он неспешно поднял рюкзаки и направился к выходу. – Сначала обидел, потом вторгся в личное пространство...

– Я же похвалил ее фигуру, сделал комплимент, так сказать, – выпрямился Дюк.

Ростом он был как Эрик – где-то метр девяносто. Теперь Аня смотрела на асимметричный вырез его белой майки. Сложно понять, было ли так задумано или футболка порвалась, но сомнений не вызывало одно – парень любил бывать в передрыгах. Такой вывод Аня сделала, заметив под майкой массивный шрам, рваными кривыми линиями переходящий с груди на плечо и шею.

– Маленькая извращенка, – прошептал Дюк с широкой улыбкой на лице.

– Иди уже... – смутилась Аня, натянув рукава на ладони и прикрывая ими красные от стыда щеки.

– И правда, пора... – Дюк не спеша прошел в нескольких сантиметрах, прощаясь с ней взглядом, и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Эрик протянул Ане ее рюкзак. Она быстро схватила его и, выглянув в коридор, ощутила укол разочарования. На пороге, с большими пакетами в руках стояла мачеха, а Дюк словно испарился.

– О, Аня, ты уже пришла! Хорошо, как раз pomoжешь накрыть на стол.

– И... из... – пробормотала Аня, ловя себя на мысли, что компания рыжего парня нравилась ей больше.

– Мам, мы уезжаем, я тебя предупреждал. Едем в третий сектор праздновать день рождения Ани, – вмешался Эрик, забрасывая лямку рюкзака на плечо.

– Ах да... Выходные. Быстро же они наступили! – Лида заметно помрачнела. Конечно же, ей не нравилась идея совместной поездки, ведь это бесполезная трата денег и полное отсутствие контроля с ее стороны.

Аня кивнула и отошла в сторону, чтобы мать Эрика смогла войти в квартиру.

– А когда домой? Вещи все взяли? Эрик, оденься попроще. Кофту в сумку, там жарко. – Оставив пакеты в коридоре, мать кинулась дергать Эрика за теплую синюю кофту. После чего обняла, скрестив руки у него на спине. – Я буду так переживать, – жалобно произнесла она.

– Мам, я не маленький, – закатил глаза Эрик. Ему было ужасно неудобно за эту демонстрацию любви к нему и за неприязнь матери к Ане. Да и сама Аня в этот момент хотела провалиться сквозь землю, он читал это по ее лицу. Она развернулась на пятках и быстро вышла за порог.

– Я подожду на улице, – проговорила она, захлопнув дверь.

– Неблагодарная... Неблагодарная, – тихо произнесла Лида полным упрека голосом, продолжая при этом обнимать сына.

– Я пошел, – прошептал Эрик.

– И ты туда же...

Эрик быстро спустился по лестнице вслед за Аней, а его мать так и осталась стоять в коридоре.

Эрик нашел сестру уже в такси. Аня сидела на заднем сиденье, казалось, уже откатавшего свое черного беспилотника и, подпирая щеку рукой, смотрела в окно на детскую площадку, на детей, гуляющих с родителями. Он не видел ее лица, но понимал, о чем она думает. В детстве она спросила его: «Каково это, когда тебя любят родители? Что-то меняется в твоей жизни?» Тогда Эрик был мал, чтобы ответить на этот вопрос, но больше Аня его не задавала.

Он сел рядом и, обняв, прижал ее к себе так, что голова Ани оказалась у него на груди. Сейчас ей это было необходимо.

Уже на полпути к вокзалу Аня приободрилась, несмотря на большую пробку впереди, и начала приставать с расспросами:

– Эрик, а кто этот рыжий парень?

– Дюк? Друг... Знакомый... Коллега по работе. Называй, как хочешь, – улыбнулся Эрик. – Понравился?

– Да нет, я не об этом, просто... Нечасто встретишь твоих друзей, особенно у нас дома.

– Он сам пришел. По работе. Дело срочное.

– По нему и не скажешь, что у него есть работа. Он не похож на прилежного гражданина. По крайней мере нашего купола.

– Почему? – усмехнулся Эрик.

Аня не понимала, как объяснить, что тут, в четвертом куполе, все пытались произвести хорошее впечатление, показать манеры и образованность, а этот покалеченный парень в шрамах – словно не из этого мира. Настоящий хам и глупец, и не боится таким себя демонстрировать. В его глазах она не видела ни страха, ни стеснения. Всего на минуту она готова была признаться, что ей хочется стать такой же – не зависящей от мнения чужих людей.

– Ты права, – ответил Эрик, поняв, что Аня уже не ответит. – Он со второго. Устроился к нам как лучший механик.

– Разве такое возможно? – искренне удивилась Аня. Возможно ли в этом чертовом мире сделать столько шагов вперед? Да еще и такому сомнительному человеку, как Дюк?

* * *

На вокзале они едва успели запрыгнуть в тамбур вагона и сделать всего пару шагов, как поезд начал движение. Это означало, что у них осталось совсем мало времени, чтобы занять свои места. Потом поезд начнет набирать максимальную скорость, и передвигаться по вагону первые пятнадцать минут будет сложно.

В вагоне вдоль коридора шел ряд купе без дверей, по четыре места каждое. Белые стены, два мягких черных кресла напротив двух таких же. А между ними – раздвижной столик. Кроме Эрика и Ани в купе никого не было, и это давало возможность свободно вести беседы на темы, о которых запрещалось говорить даже дома. Но Эрик был слишком увлечен чтением, поэтому

они ехали молча. Спустя некоторое время Аня, вглядываясь в алую даль, решилась прервать тишину:

– Интересно... – Она сделала небольшую паузу, все же раздумывая, стоит ли задавать вопрос. – А что там, за куполом?

– Смерть, – недолго думая, произнес Эрик. От книги он так и не оторвался.

Глава 2

Третий сектор, в который сейчас держали путь ребята, как и четвертый, где они привыкли коротать свои дни, сохранил в себе, по их мнению, лучшее от прежнего мира: прекрасный климат, малоэтажные уютные дома с ярким озеленением рядом. Погода не менялась, не было плохих или хороших дней. Все одинаковые. День сурка, не приводящий ни к чему радостному. И вдобавок к этому вечная борьба поколений: взрослые, повидавшие войну и потому ценившие каждый сантиметр этой земли, и подростки, не поднимавшие глаз от асфальта под своими кедами.

Вряд ли жители, рассуждающие о ценности сохранившейся под куполами природы, задумывались о том, что стены вокруг этой природы могут в любой момент рухнуть. Дети же всегда смотрят глубже. Например, ты показываешь им птицу, рассказывая, как по одному движению отличить механическую камеру правительства от настоящей пернатой, а они тем временем смотрят на дерево, которое гниет изнутри и вот-вот перестанет выделять и без того не хватающий ресурс в виде кислорода. Но они даже не подозревают, что за тем, куда направлено их внимание, хорошо следят. И сколько ни убеждай новое поколение, будто все под контролем, их страх крушения мира никуда не исчезает.

Затхлый запах воздуха стал для Ани привычным, но в этом секторе он был приглушен ароматом, исходящим от цветущих деревьев, которых так не хватало в четвертом. И только сейчас Ане стало интересно, как же пахнет воздух в других секторах.

Они с Эриком приехали поздно, поэтому Эрик, соблюдая режим, уснул сразу, а Аня коротала ночь, смотря в потолок. Белые бетонные стены студии, где остановились ребята, сильно напоминали их спальню дома. Простота и уют были призваны отвлекать от плохих мыслей. Когда за окном начало светать, Аня сдалась, встала с кровати и попыталась привести себя в порядок. В тесной ванной комнате, которая словно давила на нее, она смотрела в зеркало и не могла побороть собственные чувства: вины за «незаслуженную» трату денег, умиротворения от того, что это все же ее день рождения, и страха, что он может оказаться последним. Дрожащими руками она заплетала неуклюжие косы, вспоминая парня из параллельного класса, убитого Жнецами совсем недавно.

«Как эти бесчувственные люди в форме понимали, кто действительно мутант, а кого оболгали? Правда ли, что существует изгнание? Чем же все-таки опасны мутанты?...» – подумала

Аня, в последний раз взглянув на себя с особой ненавистью и крепко сжав раковину тонкими руками.

В комнату она вернулась уже с невозмутимым видом. Села на кровать и с каким-то странным чувством наблюдала, как брат недовольно отворачивается к стене. Аня не сразу поняла, что просто завидует его крепкому сну. Бессонница мучала ее с тех самых пор, как объявили об охоте. Три недели – срок достаточно долгий, чтобы ощущать усталость от недосыпа и кошмаров, и в то же время, по ее мнению, недостаточный, чтобы обратиться за помощью хотя бы к близким людям.

«Обратиться за помощью?» – Аня вздрогнула от этой мысли. Яркие вспышки-воспоминания о психологической клинике напомнили ей, что «послевоенный стресс» обязывал обращаться к врачам подобного профиля вне зависимости от возраста, пола или ситуации в жизни. А ей так вообще не требовалось прилагать никаких усилий, чтобы приемные родители отправили ее на лечение.

Аня натянуто улыбнулась, сглотнув колющий ком в горле, и что было сил радостно прильнула к кровати брата.

– Эрик! Эрик! Просыпайся! Ты так весь день проспийшь!

Ее, несомненно, брала гордость за свою актерскую игру, ведь до сих пор, как бы наигранно она ни улыбалась, никому и в голову бы не пришло, что в душе она сгорает от страха и тревоги.

– Выходной день, – слышался недовольный голос брата, с его утренней хрипотой. – Демон ты маленький, дай поспать.

– Ну Эрик, мы так ничего не успеем! – промямлила она, и резкая волна усталости окатила ее. Правда ли она боялась что-то не успеть? Нет, конечно, нет. Она просто не могла долго находиться наедине сама с собой и торопилась вымотаться так, чтобы терять сознание, как только ее голова соприкоснется с подушкой.

Брат нехотя повернулся к звонкому голосу сестры, всего на секунду приоткрыл глаз и сонно пробормотал:

– Ты что, спала в этом сарафане?

Аня закатила глаза, но тут же усмехнулась, придумав, как кольнуть брата.

– Ну ты бы сказал, что мы спать в этот сектор приедем. Не стала бы наряд брать, осталась бы в пижаме.

– Один – один, – улыбнулся он, оголив клык с правой стороны.

Аню этот клык каждый раз умилял, как в первый. В детстве она всегда доказывала их с Эриком родство тем, кому не стоило знать правду, указывая на эти самые зубы: «Вот видишь клыки – у меня и у него одинаковые! Ы-ы-ы. Мы брат с сестрой, настоящие! Не видишь? Сейчас укушу – и заметишь!»

– Ладно, встаю, – простонал Эрик, и Аня победно улыбнулась.

Голос у Эрика был по-утреннему хриловатым, но в то же время приятным и спокойным. Это успокоило ее, ведь брат по-разному относился к подобного рода баловству. Иногда обнимал так крепко, что она не могла выбраться из его объятий, иногда улыбался и ерошил волосы, неохотно просыпаясь на завтрак, на который сестра не ходила одна. Но бывали и такие дни, когда Аня каждой клеточкой тела чувствовала его раздражение. Она замирала, пытаясь понять, что же сделала не так, и часами глядела в окно, сидя в одной позе, пока брат не выспится. Этого он никогда не замечал, закрывая глаза и проваливаясь дальше в сон.

Она резко подпрыгнула от радости, уперев ладони в кровать, отчего та жалобно заскрипела.

– Смотри кровать не сломай, а то платить придется. Еще подумают чего... неприличного.

* * *

Эрик не заставил себя долго ждать. Он натянул свои обычные джинсы и серую майку, оставляя на виду татуировку – черно-красный размытый череп на плече. Собирался он до ужаса устало и нехотя. Эрик, чья жизнь давно утонула в быту, никогда не делился с сестрой переживаниями. Более того, не понимал, что делать, когда сам ясно считывал тревожное поведение Ани. О бессоннице он, конечно, не знал, но почему из ее рук стали все чаще выпадать предметы – догадывался. Еще чаще, чем ронять предметы, сестра начала переспрашивать его о том, что он «только что сказал». Эрик потер затылок и зевнул напоследок:

– Ну, погнали...

Пару месяцев назад Аня возмутилась бы его мятой майке, но сегодня в ее голове роились вопросы поважнее.

– О чем задумалась?

Аня поправила сумку на поясе и потерла ладонью горящие щеки. За какую бы из мыслей ухватиться?

Они направлялись в парк аттракционов. Аня много читала о нем, восторженно удивляясь размерам каруселей и высоте американских горок, а когда представляла себя наверху колеса обозрения, окидывающей взором весь сектор и его пределы, то просто замирала. Только сейчас колесо не работало.

«Интересно, сколько парк заплатил за несогласованное освещение и ночную работу?» – Мысли в голове Ани завертелись, словно шестеренки. И тут же спутались, когда она решила не мыслить, как «полезный и ответственный» работник, коими их растят. Заниматься расчетами Аня будет тогда, когда займет какую-никакую должность, а сейчас подумает о чем-нибудь другом, лишь бы не о системе.

«*Был большой скандал. Скандал – это неприятно,*» – тут же завертелось в ее голове.

Недавно в академии с ней случилась неприятная история, она поругалась со старостой в группе. А теперь каждый, кто успел нажить себе врагов даже по пустякам, мог оказаться под прицелом – это ее и пугало. Аня была спокойной, но боевой, всегда умела за себя постоять, а вот врать никогда не умела... И всегда до ужаса переживала, когда ей не верили.

Она уже не раз прокрутила в голове сцены со Жнецами, где каждый их вопрос сопровождался стуком дрожащей челюсти того, кого они допрашивали. Да что там. Она думала об этом без перерыва.

– Если вдруг кто-то настучит, что я мутант, и меня похитят, то... – Она на минуту замялась, а потом вспомнила, что Эрик привык к ее странным вопросам.

– Так? – Брат с подозрением вздернул бровь.

– ...то какое фото ты возьмешь, если будешь меня искать? Ну, например, с чем в СМИ пойдешь?

– Да, голова у тебя важными вопросами занята.

– Нет, ну серьезно. Вдруг ты выберешь то, где я красивая, с фильтрами, а если меня будут пытать и мучать, выглядеть я уже буду вообще не так, как на нем.

– Завтра утром, когда ты будешь спросонья, с синяками под глазами, сделаю новое. Его и возьму.

Аня смутилась, но улыбнулась, подумав о том, что брату лучше не засыпать, если он хочет получить такое фото.

Старые маленькие карусели с ярким оформлением словно замерли в довоенном времени, и как бы ни совершенствовались технологии в центральном секторе, до этих малюток никому явно не было дела. Поколение Ани уже тоже должно было точно знать, что стоило развивать, а на чем нужно поставить крест; думать о том, как сохранить стабильность в искусственной

жизни под куполом. Потому сейчас, как учили в академии, Аня мысленно соотносила затраты парка на электроэнергию и пользу, которую тот приносил обществу.

Она закивала головой, словно пытаюсь выбросить все из головы. Все эти аттракционы развалятся еще до того, как ей дадут важную должность, поэтому самым правильным было просто радоваться тому, что они сейчас здесь.

Чистое голубое небо вдохновило Аню, и она решила покорить все аттракционы за один день, но Эрик остановился на одном, с символическим названием «Под облаками» – он поднимал группу посетителей вверх на десяток метров и резко опускал их чуть ли не до земли. Когда настала их очередь, Эрику хотелось кричать от неожиданности при резком спуске, а Аня смеялась от переполняющих ее чувств.

После, на других каруселях, она каталась уже сама и махала рукой смотрящему на нее Эрику. Про себя он отметил, что тревога Ани утихла. Она сейчас была очень веселой и беззаботной – постоянно улыбалась.

Их беготня вмиг прекратилась, когда Аня увидела мягкую игрушку, веселого грибочка-мухомора, на призовой полке тира.

– Эри-и-и-и-к, я его хочу-у-у-у, – жалобно протянула Аня. – Очень. Эрик, ну пожалуйста-а-а-а!

– Ты уже взрослая, – усмехнулся он. – Я уверен, ты справишься сама.

Никто из окружающих ни за что бы не догадался, что Эрик и Аня – превосходные стрелки. Более того, это было неизвестно даже их знакомым. И тут не обошлось без Миши Слота – боевого генерала. В мире, где было запрещено даже изучать оружие и думать о нем, ребята с детства нередко проводили время у него на учебной базе. Стрельба была их любимым и чуть ли не единственным развлечением. Но управляющий тира с пластиковым подобием ружья, конечно, ничего об этом не знал. Каково же было его удивление, когда Аня, узкие плечики которой едва виднелись из-за стойки, попала почти во все цели. На последнем выстреле глаза ее заслезились, картинка поплыла, и Аня выстрелила в движущуюся цель по памяти. Несмотря на нравоучения отца, она всегда пыталась опустошить магазин на одном дыхании, не моргая.

– Какой приз выбираете? – восхищенно спросил владелец тира.

– Разве я заслужила? – тихо переспросила Аня.

Высокие требования отца к военной подготовке сделали свое дело – она даже мысли не допускала о том, что ей действительно достанется награда.

– Ох, девушка, лучший стрелок тут попадал в цель трижды. А вы смели почти все!

– Тогда грибочек. – Аня натянуто улыбнулась, подумав о том, что вот сейчас могла навлечь на себя интерес Жнецов.

«Анализируй все перед тем, как что-то делать», – отругала она себя, нервно обнимая детскую игрушку.

* * *

В кино они пошли на новый фильм об агентах, главный герой которого каждое утро будто выпрыгивал из плаката на соседнем доме. Современные кинотеатры сильно отличались от старых благодаря эффекту полного погружения. В секторе № 3 располагался самый большой из них, занимающий половину торгового центра.

Дверь кинотеатра распахнулась, и недовольная Аня покинула зал быстрым шагом:

– Ну что за нелепость? Снова мутанты? Сколько можно одну и ту же тему мусолить...

– Ты не веришь в них? – спросил Эрик, уставившись на электронное табло – меню одной из кафешек, расположенных рядом.

– Я не знаю, во что верить.

– И поэтому ты не дождалась конца сеанса?

– Нет... Я хочу кушать. – Взгляд Ани устремился туда же. – Главная героиня вообще все испортила. Ну, были у ее семьи и друзей небольшие секреты, и что? Разве можно из-за этого подвергать всех опасности?

– Ты выбрала, что будешь есть, кинокритик?

– Да, – смутилась Аня. – В общем, она все испортила. Если бы мыслила здраво и повела себя правильно, все было бы хорошо.

– Но о таких фильмы не снимают, – усмехнулся Эрик, продвигаясь в очереди.

Первыми у кассы стояли мальчик лет двенадцати вместе с матерью – они покупали попкорн. Когда Аня посмотрела на них, то заметила, как с лица первого исчезает улыбка. В толпе начались перешептывания, все взгляды устремились на трех солдат в масках, стремительно направлявшихся к женщине с ребенком. Остановившись в нескольких шагах от них, один из солдат выдвинулся вперед и произнес голосом, сгенерированным под робота:

– Вы были предупреждены. Неповиновение карается смертью.

– Нет! Нет! Подождите! Мы дадим ответ! – закричала женщина, закрывая собой сына.

Солдаты быстро окружили их и оттолкнули мать. Все произошло очень быстро. В толпе росли недоумение и страх.

– Кто-нибудь! Помогите! Сделайте что-нибудь! – Мать пыталась протиснуться между солдатами, но все было напрасно.

Все замерли. На солдатах была форма государственной охраны, на их плечах виднелся символ пятого сектора: нашивка в виде планеты Земля с золотистой цифрой 5 в центре. Отряд Жнецов. Мешать им – означало подписать себе и своей семье смертный приговор.

– Мама! Мам... – Мальчик плакал, ему было страшно. Солдаты быстро скрутили его.

– Ма...

Беззвучный выстрел оборвал плач ребенка. Тишина. На груди мальчика медленно расплывалось кровавое пятно. Солдаты, словно тени, быстро развернулись и пропали так же неожиданно, как появились. Мальчик с широко раскрытыми глазами начал падать на землю, мать подхватила его тело у самого пола. Последний вздох. Женщина пыталась зажать рану, но было уже поздно. Она в слезах упала на колени, громко плача над телом сына.

Аня прикрыла рот дрожащими ладонями, чтобы не закричать, на глаза навернулись слезы. Эрик прижал ее к себе, пытаясь не дать разглядеть происходящее, но было поздно. В нужный момент он сам замер от ужаса.

* * *

Аня долгое время не могла поверить в произошедшие. Она молча дошла до дома, крепко сжимая трясущиеся кулаки, и дала волю эмоциям только после того, как дверь со щелчком закрылась. Она скатилась по стене, крепко взявшись за голову, и крик ее нарастал. Картина убийства застыла перед глазами.

Аня не могла перестать представлять себя на его месте. Паника накрыла ее так же неожиданно, как появились сегодня Жнецы. Внезапные вдохи ее становились все громче, а выдохи тише. Аня словно забыла, как дышать, и каждое движение, судя по хриплому звуку, доставляло боль. Эрик бросился к ее сумке, вывернув ту вверх тормашками, и среди девичьих вещей нашел шприц с успокоительным. Он ловко ввел препарат и крепко обнял сестру, после того как та сильно ударила головой об стену, и теперь на месте ушиба, словно защищая от очередного удара, лежала рука человека, который всегда был рядом.

Только теперь они оба сомневались в том, что доживут до следующего ее дня рождения.

Глава 3

Леди пятого сектора если чем-то и походила на обычных людей, то чувством страха, которое, как, впрочем, казалось всем остальным, было ей чуждо. Три недели она пыталась убедить себя в том, что ситуация под контролем. Но она теряла его в тот момент, когда ей приходило оповещение о новом мутанте. Воспоминания – отголоски прошлого – застигали ее врасплох. Мелкая дрожь пробила тело, когда Мира думала про первого и, как ей казалось, единственного мутанта. История того рыжего паренька разворачивалась на ее глазах, и именно Леди превратила его короткую жизнь в ад. Но с этим экспериментом было покончено еще до его начала. Откуда взялись новые мутировавшие люди спустя тринадцать лет – можно было только догадываться.

Лучи восходящего солнца первыми заглядывали в ее кабинет, неподвижно висевший в воздухе над самым высоким зданием, словно гроб Соломона, и покрытый зеркальным слоем металла, благодаря чему при свете дня его почти не было видно. Подобного эффекта удалось добиться благодаря мощному электромагнитному полю, и людям, смотрящим на здание с земли, картина представлялась просто фантастикой. Такой же фантастикой казалось добраться туда кому-то без приглашения Миры. Единственный лифт с последнего этажа до ее кабинета охранялся лучше, чем какое-либо вооружение, оставшееся на Земле.

Отсюда открывался роскошный вид на вечнозеленые аллеи с раскидистыми деревьями и просторные маленькие дома, сюда же подавали самый свежий, витаминизированный воздух. «Нерациональное использование места» – гласила статья, в которой критиковалась шикарная жизнь пятого сектора. Статья так и не вышла в свет. Даже Господу Богу, если он, конечно, еще наблюдал за этим, кажется, им же забытым местом, было не известно, куда делся ее автор – назойливая девушка-журналист. Но если вернуться к девушке, что собиралась расписать статью о классовом неравенстве в их едва уцелевшем мирке, то сама Мира прекрасно знала, что та нынче кормила выживших зверей за стенами купола.

«Нам не хватает кислорода!» – было написано в одном из провокационных абзацев.

«Вот для таких случаев и существуют изгнание и казнь», – улыбнулась Мира, вспоминая их с ней последний разговор. Она обожала разговаривать лично с каждым, кто пытался противостоять ей. Она шла к власти с самых низов, добивалась признания тяжелым трудом. Улыбнуться, глядя в лицо людям, оказавшимся по ту сторону ее мнения, было ее огромным

утешением. Мира вспоминала себя, молодую революционерку. Вспоминала, как за ней шли люди. За ней – шли, а за теми, кто против нее – нет.

«Госпожа Мира, вас просят пройти в лабораторию», – прозвучал в стенах голос виртуального помощника, которому можно было доверять. «Он не солжет информацию о тебе журналисту, не выдаст твой маршрут революционерам, и зарплату платить ему тоже не надо, – так думала о нем Мира, спускаясь в лабораторию, и, уловив запах лекарственных препаратов, заключила: – Да и на больничный он не уйдет». Она остановилась на застекленном балконе, откуда было хорошо видно всю лабораторию внизу: только новая техника, только масштабные эксперименты для того, чтобы вернуться к нормальной жизни на земле, а не выживать в бетонных стенах.

Ее амбиции поугасли больше десяти лет назад, и если раньше она с особым удовольствием следила за опытами над людьми, ожидая колоссальных результатов, то сейчас находиться тут – сродни пытке. Сколько было тому рыжему пареньку? Три? Четыре? Неважно. Важно, что эксперименты над ним дали единственный положительный результат. Откуда...

– Откуда взялись эти? – озвучила она вопрос вслух, поправив мятный пиджак на плечах.

– Т... третий и ч-четвертый купол, – выдавила из себя сотрудница в медицинском халате, поправляя очки. Золотой бейджик говорил о том, что в лаборатории она главная. А неряшливо завязанные в хвост каштановые кудри и синяки под глазами намекали на бессонные ночи и быстрые сборы.

– Иванка! Ты понимаешь мой вопрос! Мне не важно, где они жили! Эти дети! Откуда они взялись? Как они мутировали?

– Я... Я не знаю. Я уже запросила все: карты из больниц, поликлиник, стоматологий, роддома. – Иванка сжала папку с документами, та больно врезалась в кожу.

– Узнай все! Кто их родители, соседи, учителя, стоматологи! Когда им делали операции, пересадки! Все!

Иванка Рихтер, или, как называли ее в далеком прошлом друзья, Иви, была одной из немногих, кто знал, что мутация этих детей была настоящим чудом, а после Третьей мировой в чудеса тут никто не верил. И Леди это знала. Она тяжело вздохнула.

– Ив, скажи мне... Чисто теоретически. Тот, первый, малец мог выжить? – прошептала Мира. – Может, это вирус? Пересадка органов? Его дети?

– Нет, – робко ответила врач. – Точно не вирус. Мальчишка точно мертв, и его смерть не могла повлиять ни на что. Мутация этих детей другая.

– Значит, где-то есть еще один экспериментатор...

– Или был, – обронила Иванка и тут же осеклась. Хмурый взгляд Леди заставил ее сердце замереть. – Мы еще не проверяли теорию о том, что дает мутация этим детям, не видели ее... только проводили тесты.

– Чего так долго? – брови Леди Миры нахмурились, голос стал громче.

Долго? Иванка побоялась заикнуться о том, что эти двое – единственные, кто согласился сдать, остальных, кто не соглашался на эксперименты, которые подавались под предлогом лечения, Мира сама велела публично казнить.

– Их всего двое. Опасно выпускать за стены. Может... Может, мы не будем предоставлять выбор на изгнание за купол? Тем более убивать. Может, арестовывать?

– А родственникам что говорить в случае смерти? Вышел за купол погулять? Ты видела? Эти мутанты сами под пули кидаются, когда Жнецы появляются. Неконтролируемого сброда в лице агрессивных граждан меньше будет. Пример остальным, что с властью надо содействовать. Ваша задача найти мутаген. Что непонятного?

– Мира, вам, наверное, уже докладывали, но вскрытие убитых Жнецами показало, что не все казненные были мутантами.

– Тем лучше.

На последней фразе эхо ее голоса прорезал громкий стук металлической подошвы. Отряд Приспешников вернулся с вылазки за стены. По помещению развеялся приятный запах озона. Озоновый слой давно разрушен, и если большими усилиями под куполом смогли воссоздать все условия для жизни, то запах его присутствовал только в моменты возвращения солдат. Он, словно осколками, остается на земле приятным воспоминанием о том, что раньше можно было жить за пределами купола.

На лице Леди появилась теплая улыбка:

– Вы с хорошими новостями, господин Арес?

Его имя она произнесла с особой любовью, ведь этим сверхсолдатам, выдрессированным и обученным для вылазок, маленьким детям, сиротам войны, показавшим лучшие результаты в детском доме, имена давала именно она. И всех считала своими. Своими сторожевыми псами, которым могла доверять.

Многофункциональный респиратор, закрывающий половину лица Ареса, замигал красным. Он фильтровал окружающий воздух и вырабатывал кислород для вылазок. Батарея садилась, и это означало, что солдат провел на ногах без сна и еды двое суток. Также маленьким упущением в разработке респиратора стало то, что он вырабатывал больше привычного количества кислорода, и потому при возвращении под купол у солдат возникали проблемы: от перенасыщения, а потом от резкой нехватки кислорода наступал крепкий и глубокий сон как минимум на несколько суток, а после начинались жуткие головные боли. Вот и сейчас картинка перед глазами Ареса плыла, а мысли туманились. Приевшийся запах малознакомых препаратов гаджет не пропускал, но от этого находиться в лаборатории приятней не становилось.

Пользователей таких масок, подвергающих свой организм жутким нагрузкам, было всего пятеро – они и составляли Отряд Приспешников. Облегающий защитный экзоскелет со светящимся (в случае Ареса – синим) узором и свободными штанами поверх него отлично подходил для походов во внешний мир. Он позволял хорошо маскироваться, а защитные очки с фильтром-маской давали возможность подолгу изучать местность вне купола. Выискивать и выслеживать Диких мутантов, их поселения – это и являлось основной задачей Приспешников.

Также им выдавали самое лучшее вооружение и различные приспособления для выполнения операций: передатчики для связи со штабом и передачи данных, диктофоны, устройства, воспроизводящие различные звуки, наборы скоросшивателей кожи на случай ранений (секретная разработка биологов в штабном институте), противоядия и многое другое – все это компактно умещалось во множестве небольших карманов костюма. Маска же, помимо того, что обеспечивала кислородом, обладала функциями видеозаписи во множестве режимов, ночным, тепловым и инфракрасным зрением, усиливающими слуховыми репитерами, а также могла мигать разными цветами – каждый цвет означал что-то определенное, а расшифровка была известна только Приспешникам и их командующим.

– Отчет я сдал, буду ждать, когда вы с ним ознакомитесь, – холодно ответил Арес.

Ярко-синие кончики его волос, пыльные после вылазки за купол, колыхнулись от скользящего по коридору сквозняка. Арес повернул голову навстречу потоку и тут же пожалел об этом: холод прошелся по бритым вискам.

– Но вы с пустыми руками, верно? – уточнила Мира.

Он не видел, но знал, что улыбка с лица Леди исчезла.

– Когда же вы найдете хоть одного Дикого мутанта?

Краем глаза Арес заметил мельтешение в лаборатории под ними. С этого места его однажды заставляли наблюдать за самой жуткой операцией. Вскрытие первого плененного вонне мутанта. Поймали его тогда как раз Приспешники. Откуда он взялся и как выживал – не знал никто. А после увиденного ребята из отряда пообещали друг другу больше никогда не искать Диких и ни под каким предлогом не приводить их под купол.

«Если бы госпожа узнала, – думал Арес, – казнила бы их без промедлений. Это же настоящий саботаж...»

Но сейчас врачи лаборатории вновь вернулись к экспериментам. И единственное, чем тешил себя солдат, было то, что этих детей привели Жнецы, а не Приспешники. Как бы он ни хотел, взгляд от операционного стола отвести не мог. Знал ведь, что, если он *этого* не видит, не значит, что *этого* нет.

По количеству капельниц у детей он предположил, что они будут оперироваться под наркозом. «Милосердно», – возмутился в мыслях он. Если вообще что-то в стенах этой лаборатории можно было назвать милосердным. Арес был в курсе местной суматохи, знал, кем, по словам государственной пропаганды, они являлись, и дрожь пробрала его тело. Сон на минуту как рукой сняло. Но всего на минуту.

– Отчет я сдал, буду ждать, когда вы с ним ознакомитесь, – повторил он и поспешил покинуть балкон.

– Иногда мне кажется, что толку от них в последнее время мало, – фыркнула Мира.

– Я знаю, сейчас, наверное, не время, но я просила вас заглянуть сюда не из-за мутантов, – вклинилась Иванка, пока размышления Миры не перешли на уровень новых приказов.

– Нет?

– Нет. Я хотела рассказать о вашем телохранителе.

– Он пришел в себя? – удивленно спросила Леди. В такие моменты даже Иванке казалось, что у этой беспощадной женщины остались хоть какие-то чувства.

– Конкретно в себя он никогда, кажется, больше не придет. Понимаю, что он спас вас во время нападения, но пуля сильно повредила мозг. Мы сделали все, что могли... И мы, врачи, – уточнила Иванка, снимая с себя груз ответственности, – все-таки советовали найти вам нового охранника. Но, как вы и просили, мы усовершенствовали экзоскелет, и теперь ваш телохранитель является его частью. Он претерпел довольно большие изменения за эти три недели, не уверена, что вы его узнаете.

– Мой статус позволяет мне принимать решения самой в этом гниющем мире. Мне нужен он! Живой или мертвый. – В голосе леди проступала несвойственная ей тревога, и Иванка тоже испугалась.

«Тогда он подойдет и в таком состоянии», – заключила она. Телохранитель, следующий за Мирой со времен первой революции, когда она, будучи голосом народа, заняла управляющую должность. Человек, которому госпожа доверяла как себе. «Живой или мертвый – он не стоит и сотни лучших солдат», – злилась она, распоряжаясь вытащить его с того света любыми способами.

Его ранили при нападении на Миру. Деспотичную Миру, угрожающую гражданам расправой за любое неповиновение. Была ли Леди, за которой так слепо ступала Иванка, такой всегда? Да, пятнадцать лет назад уже была.

Казалось бы, то, что случилось в прошлом, должно было там и остаться. Но потом появилось это видео... Иванка бы отдала все, лишь бы недавнее доказательство того, что мутанты живы, не попало в сеть. Лишь бы никто не узнал об их существовании... даже если эти мутанты – последняя надежда человека остаться на земле.

Иванка, усердно выцарапавшая себе первое место среди ученых умов, все не могла понять, в какой момент череда событий завела ее не туда. Или она просто не хотела признаваться себе, что не сбежала с этого аттракциона жестокости вовремя сама? «Стоило уйти, как только я заподозрила неладное, нужно было спасти того мальчика пятнадцать лет назад. И он стал бы спасением».

Карамельного цвета каблучки застучали, когда Мира уходила в сторону следующего корпуса, а Иванка Рихтер осталась наблюдать за двумя невинными мальчишками. Их подготовили к операции, уже надевали маски для наркоза. Ребята не были напуганы, ведь она сама сказала

им, как и тому рыжему пареньку пятнадцать лет назад, что после операции те вернутся домой. Иванка снова солгала.

Глава 4

Аня и Эрик вернулись домой за полночь, слишком уставшие для того, чтобы разбирать вещи. Да и родители уже спали. Менее впечатлительный Эрик почти мгновенно провалился в сон. Но длился он недолго. Тихий плач, эхом проносившийся по комнате, разбудил его.

– Он... мутант... п-правда? Он р-ребенок. У-убили р-ребенка.

– Что случилось? – спросил Эрик, сквозь сон отыскав источник звука.

– Не могу, – завывающе ответила Аня. Она сидела, прислонившись спиной к стене и обхватив руками колени, пряча в них заплаканное лицо. – Я закрываю глаза и вижу все это... Солдат, слезы мальчика, кровь на полу... Слышу плач его матери... Это невыносимо, Эрик! Разве мутанты существуют на самом деле?!

Эрик тяжело вздохнул и с усилием встал с кровати. Покачиваясь, он добрал до сестры, уселся рядом и откинулся на стену.

– Ты помнишь что-то о войне? Не со слов других людей, – тихо прошептал он. Долго тянул с этим разговором, но осознал, что лучше момента уже не будет. – Ты ведь была совсем ребенком и не помнишь ее, так?

– Не помню. Только рассказы Миши.

– А кто-то и этого не знает, – с целью подбодрить произнес Эрик, но цели он явно не достиг. – Дело в том, что последняя ракета... Она изменила генетический код всего вокруг. Я тогда был совсем маленьким, мы с мамой жили на военной базе, под куполом. Конечно, там все было очень строго, и я не мог видеть того, что происходит снаружи. Но я замечал то, что мелькало за открывающимися воротами. Всего за пару последних месяцев войны все вокруг стало другим.

Эрик затих, вспоминая военное время. В его голове снова ожили забытые картинки тех кошмаров, которые он долго скрывал от самого себя в попытках от них избавиться.

– Другим... это как? – спросила Аня после паузы. Ей казалось, что она слышит учащенное сердцебиение брата, всегда казавшегося ей таким спокойным и невозмутимым.

– Бесплодная, сгоревшая земля начала прорастать. Деревья, кусты, трава – все это словно поднималось из пепла. Они зацветали алыми красками. Отец тогда сказал, что цвет растений должен был измениться на белый, чистый, как новый лист, но почта слишком пропиталась кровью. И словно в наказание за то, что сделал человек – дышать за куполом никто больше не мог.

Эрик снова замолчал. Ему было тяжело говорить. Он прекрасно осознавал, что прежней беззаботной жизни и бескрайнего мира больше нет. Все изменилось слишком неожиданно. И теперь, куда ни глянь, вместо красочных полей и лугов, уходящих за горизонт, взгляд натывается на восьмиметровую бетонную стену.

– Что касается людей – я только слышал о мутациях, но сам никогда их не видел. В основном это дети тех женщин, что были вне купола, когда взорвалась ракета – МОР. На них самих взрыв почти не повлиял. Так, проходящая тошнота и рвота. А вот их дети... Говорят, они были опасны для людей, потому что не контролировали свою ярость и агрессию, что ли... Я не знаю. Говорят, долго не жили. Знаю только, что недавно нашлись выжившие, и на них началась охота. То, что мы видели, было публичной казнью одно из них.

– И им даже не пытались помочь?

– Ну, поговаривают, им предлагают выбор – принять вместо смерти изгнание за купол, – пожал плечами Эрик. – Единственные, кто знал хоть что-то о ракете и о последствиях ее взрыва – создатели, казненные после подписания правительством мирного договора между секторами. За преступление против человечества. И теперь никто не знает, что это за мутация и как с этим бороться.

– Я не про такую «помощь». Я про лечение.

– Говорят, что разрабатывают, но это не точно. Я, правда, не углублялся в эту тему...

– Почему об этом не рассказывали раньше? Почему сейчас просто убивают?

– Аня, люди боятся того, чего не знают и не понимают. А уверенно сказанная информация, транслируемая от имени власти, замещает пустоту в головах обычных граждан, выдавая неизвестное за факты. Людям, на которых объявлена охота, необязательно быть плохими. И мне жаль, что мы поняли это в таких условиях.

Эрик затих, видя, что эмоции Ани поутихли и она прикрыла глаза, словно представляя, будто это все страшный сон. Ему хотелось верить: рядом с ним сестра чувствовала себя в безопасности. Это все, что он мог. Уже молча Эрик продолжил вспоминать войну и жизнь до нее. Внезапно вспомнилось знакомство с Аней, маленькой перепуганной девочкой, которая неделями молчала с момента появления у них дома. Ту ночь, когда она вся в слезах разбудила Эрика и попросила отвести ее домой, а он, как благородный рыцарь из сказок, что ему тогда читали, пообещал защищать Аню, пока не придет ее мама. Но Эрик не знал: мама за ней уже никогда не придет.

* * *

– Вставай, пора собираться.

Эрик едва коснулся бледного плеча Ани. Он так и не сомкнул глаз.

– Ммм... Который час?

Потягиваясь, она неохотно открыла покрасневшие от недосыпа и слез глаза. Заметив усталое и безэмоциональное лицо брата, поняла, что причина в ней.

– Прости. Я испортила тебе сон?

– Я не спал, солнце, только в этом нет твоей вины.

Аня не поверила. Вину она ощущала каждой клеточкой тела, и все, чего сейчас хотела, так это провалиться сквозь землю. Поэтому торопливо начала сборы.

За завтраком она рассказала Мише, как они провели время в третьем секторе, а Эрик помог, иногда разбавляя рассказ шутками. Миша был рад тому, что ребята здорово провели время – это было заметно по его улыбке.

Лида не разделяла его радости, но не смела демонстрировать это при муже. Чего стоит один только его неодобрительный взгляд!

Аня чувствовала себя разбитой, проспав немногим более полутора часов. Веки казались тяжелыми, и ей стоило немалых усилий не сомкнуть их прямо за столом. Тучу над ее головой также нагнетала неожиданная новость: мачеха выходила на пенсию. Аню новость, очевидно, не обрадовала: меньше всего она любила оставаться дома наедине с Лидой. И поэтому сегодня она специально отправилась в академию пораньше.

– Доброе утро! – радостно встретил ее Макс, отодвигая стул. – Опять всю ночь на единорогах каталась? – улыбнулся он, пытаясь спрятать тревогу за подругу, что его не отпускала. Аня имела неосторожность написать ему ночью сообщение об увиденном у кинотеатра. И как же больно было получить в ответ радостную реакцию на убийство «чудовища»! А следом сообщение о том, что эту публичную казнь он видел на экране!

Аня, недовольно хмуря брови в ответ, молча упала рядом за парту. Бывали дни, когда она звонила Максу и просила прийти раньше, чтобы он бесконечно рассказывал о новинках игрового мира, о гиперопекающей маме... о чем угодно, лишь бы не оставаться одной! Но не сегодня. После его последнего сообщения она ему в сети больше не отвечала.

– Да ладно. Рассказывай, как отдохнула?

– Макс, не сейчас, ладно? Я посплю немного. Посторожи мой сон, пожалуйста.

– А ты простишь меня, если я послушно посторожу?

– Бог простит, – непривычно резко ответила она.

– Но ты же все время утверждаешь, что Бога нет.

– Именно, – прошептала Аня и медленно опустила тяжелую голову на парту, затем почти сразу же провалилась в сон. Ее опять застала черед кошмаров, и единственное, что радовало ее сегодня – так это быстро пролетевший день.

* * *

– Не хочу домой, – тихо произнесла Аня, сидя с Максом на лавочке академического двора. Ее обида поутихла с тех пор, как Макс торжественно поклялся никогда не называть мутантов «чудовищами» и больше не смотреть публичную казнь.

– Может, в баскетбол поиграем? – Макс указал головой в сторону парней, перебрасывающих мяч на площадке.

– Не шути так, тебя же там сметут. Как, впрочем, и меня, – усмехнулась она, рассматривая высоких спортивных ребят из старших классов. Макс заметно смутился.

Повисла неловкая пауза. Макс не был создан для физических нагрузок: худой и щуплый, со светлыми кудрявыми волосами и маленьким прямым носом на детском лице, он походил скорее на ученика младших классов, чем на Аниного ровесника. Тем не менее Аня считала Макса довольно милым и интересным, хотя другие ребята с ним почти не общались.

– Все равно – домой не хочу, – опустила глаза она.

Макс только успел открыть рот, чтобы ответить, как его перебил грубоватый мужской голос:

– Так не ходи.

На спинку лавочки присел высокий рыжий парень.

– Дюк?! – удивленно воскликнула Аня и от неожиданности даже подскочила.

– Ну да, с утра вроде был им, – осмотрел он себя.

– Да похож, похож, – от смешного выражения его физиономии Аня громко засмеялась и поймала себя на мысли, что почему-то очень рада его видеть. – Что ты здесь делаешь? Разве ты не должен сейчас работать с Эриком?

– Обед. Мне некому собирать его, чтобы взять с собой, – улыбнулся Дюк. – В отличие от Эрика. Вот, прогулялся до нового кафе. Кормят жутко, если честно. – Последнюю фразу он произнес шепотом, прикрыв лицо ладонью, словно по секрету.

Да, мачеха собирала с утра по три контейнера, вместе с десертом. Конечно, Эрик не успевал все это съесть и часто угощал ребят на работе. Аня смутилась, когда поняла, что брат не угощал друга.

– Я, наверное, пойду... – смущенно выговорил Макс. Он резко вскочил со скамьи, слегка приобнял Аню, прощаясь, – это вышло неловко, и он поторопился испариться. Наверняка не ожидал, что у Ани есть такие знакомые, как Дюк: высокие, со шрамами, натренированным телом, пронизательным взглядом, – чертовски привлекательные, иными словами. Да, именно это словосочетание Аня использовала бы, если бы взялась описывать его.

– Странный, – прокомментировал Дюк, заметив скованное поведение Макса.

– Кто бы говорил.

– Я тут подслушал немного. И... Если ты не хочешь идти домой, может, потусуешься у нас в автосервисе?

– А можно?

– Ну, если предлагаю, значит, можно, – с улыбкой пожал плечами Дюк.

Автосервис находился через здание от дома Эрика и Ани, у дороги. Довольно жуткое строение с безвкусной вывеской, несколькими гаражами и большим подъемником во дворе. Пахнущее маслом и железом, оно всегда вызывало у Ани любопытство. Во время каникул она частенько провожала брата на работу, прогуливаясь с ним по дороге, но внутрь он ее никогда не приглашал.

Дюк явно старался найти общий язык и первый попытался начать разговор:

– Ты уже думала, чем будешь заниматься? В смысле, когда окончишь академию. Куда пойдешь учиться дальше?

– Я не доверяю тебе настолько, чтобы говорить об этом.

– Да брось...

Аня заметила, что Дюк немного поник, и ей стало стыдно.

– Эй, рыжий лис, поторопись! У тебя срочный клиент. – Массивный мужчина, стоявший у дверей, окликнул Дюка голосом генерала, который не терпит возражений.

Ребята машинально прибавили шагу.

– Я вам тут нового работника привел! – крикнул Дюк, открывая дверь сервиса. Его голос эхом прокатился по помещению.

Все подняли головы, чтобы взглянуть на «нового работника», и тут же опустили их, заметно разочаровавшись.

– Да чтоб меня шиной накрыло! Это же девочка! Какой работник! – бросил грязную тряпку пузатый мужик в кепке. – А я уж поверил.

– Ну, вообще-то сестра Эрика. Это во-первых. Во-вторых, Эля вроде из-за ребенка хотела увольняться. Что-то с садом. Может, она полдня возьмет? А Аня после занятий за нее.

– Я... это... – Аня, внезапно даже для себя, начала заикаться от неожиданности. – Ты же сказал – просто потусуюсь! – прошептала она Дюку.

– Ну, а я и не солгал. Сейчас устроим тебя, и я все покажу и расскажу. Разве тебе не нравится эта идея? – ответил он, склонившись к ее уху и вновь по-лиси ухмыляясь. От теплого дыхания Дюка Аня смутилась. – Эрик, что скажешь? – крикнул он, поднимая голову.

– Пусть решает сама, я не против, – пожав плечами, ответил Эрик.

Аня заметила брата не сразу: он стоял на лестничной площадке второго этажа, одетый в форму – испачканный машинным маслом комбинезон, спущенный до пояса, как всегда бывало в обеденный перерыв, – и держал в руке чашку с горячим чаем. Он тоже покинул комнату отдыха, чтобы взглянуть на нового работника. С того места, где он стоял, можно было наблюдать за работой всех механиков, комната диспетчера находилась рядом.

– Я хочу!

– Чего ты хочешь, детка? – удивленно оглянулся Дюк.

– Работать здесь хочу!

Как объяснили ей Эрик с Дюком, работа Эли заключалась в том, чтобы принимать звонки, записывать на прием клиентов и раз в месяц составлять график работы. Помогать ей с первым и вторым пунктом предстояло Ане. Когда она закончила заполнять всевозможные анкеты и подписывать документы, регламентирующие предстоящие обязанности, внимание ее приковал процесс работы Дюка и Эрика. Эрик заезжал под машину на воздушной доске с диагностическим планшетом, а Дюк подключал бортовой компьютер к стойке и считывал данные. Улыбаясь, Аня продолжила наблюдение, уже стоя на балкончике и слушая их диалог.

– Как обычно, Эрик?

– Да. – Подбросив гаечный ключ, он опять опустил на доску и вернулся под днище автомобиля.

– Как обычно? – незаметно для себя Аня произнесла это вслух.

– «Как обычно» означает, что Эрик занимается ремонтом механики, а Дюк переустанавливает искусственный интеллект, – объяснила проходящая мимо Эля. – Просто у Дюка был очень печальный первый опыт с одной капризной дамой... – загадочно засмеялась она.

– Что-то случилось? Что-то плохое? – взволнованно произнесла Аня. Почему-то ей не хотелось слушать о неприятностях, произошедших с этим странным парнем. Не хотелось знать, что они вообще у него есть.

– Искусственные интеллекты в основном носят женские имена. Их тоже надо проверять, а то «Аврору», ту самую капризную даму, привезли якобы с технической проблемой, а она просто взяла и поехала по делам прямо с места ремонта, едва не раздавив Дюка, – тяжело вздохнула Эля. – Поэтому теперь Дюк всегда отвечает за искусственный интеллект и работает в паре с Эриком.

* * *

Уже через неделю работы в сервисе Аня освоилась и влилась в коллектив, подтянув при этом учебу, чтобы не возникало проблем в гимназии. Миша Слот просто сиял от счастья. Остался всего один вопрос.

– Почему ты сразу не сказал, что предложишь мне работу? – поинтересовалась Аня у Дюка, когда они вдвоем отдыхали в обеденный перерыв, удобно устроившись на лавочке у сервиса.

Мастерская сегодня пустовала, и погода была на редкость хороша. Эрик и Дюк, в майках и, как обычно, спущенных до пояса на время отдыха рабочих комбинезонах, сидели по краям, а Аня расположилась между ними.

– Я и сам не знал, – признался Дюк, дожевывая бутерброд.

– Как так? – засмеялась Аня, принимая его ответ за шутку.

– Просто эта мысль возникла у меня прямо на пороге сервиса.

Прошел месяц со дня возвращения ребят из третьего сектора. Эрик стал забывать о публичной казни. Но Аня – нет.

– Дюк, а что ты знаешь о войне?

Парни удивились такому неожиданному вопросу. Оба резко выпрямили спины, разглядывая Аню широко раскрытыми глазами. Затем Эрик, понадеявшись, что на этом вопросе разговор закончится, позволил себе немного расслабиться, хотя начал внимательнее следить за беседой.

– Кхм... О войне спрашиваешь... – В руках у Дюка был недопитый газированный напиток, и, задумавшись, он начал вращать банку по кругу, всматриваясь внутрь через маленькое отверстие. – О войне спрашиваешь, да? Люди воевали, убивали друг друга, создали какую-то особую ракету, запустили... И, собственно говоря, все. Теперь мы здесь, под куполом.

– Ну... Не так содержательно, как я ожидала, но спасибо и за это. Эрик, я тут подумала... Может, мать того мальчика знает что-то? – резко повернулась она к брату.

Ситуация вышла неловкая: Дюк не знал о публичной казни в третьем секторе, а Эрик, видимо, не торопился рассказывать ему об этом. Оба удивленно посмотрели на Аню, и она поняла, что сказала лишнее.

– Что случилось? – спросил Дюк, глядя на Эрика и хмуря рыжие брови.

– Публичная казнь, но я не хочу ни думать об этом, ни говорить, – быстро ответил Эрик.

– Но... – Аня не успела ничего произнести, Эрик поспешил ее перебить:

– Закрыли тему, сейчас же! – В голосе Эрика слышались такие редкие и нехарактерные для него, но четкие нотки раздражения.

Дюк искоса посмотрел на Эрика, и напряжение усилилось.

– Ладно, – поднялся Дюк. – Чем займемся? Я слышал, довоенный фильм про оборотней вышел в прокат. Его там здорово переделали в графике. Может, посмотрим?

Недолго думая, Эрик предложил после работы собраться у них.

Позже, закупив чипсы с пивом и мороженое для Ани, ребята пошли домой. Лида новому гостю не обрадовалась: Дюк с его набором шрамов явно ей не понравился. Но отец Эрика был дома, поэтому ее мнение никого не волновало.

– Миша Слот, – протянул руку он, представляясь.

– Дюк, приятно познакомиться. – Друг Эрика улыбнулся как-то по-идиотски, показав белоснежные зубы, и ответил крепким рукопожатием.

– Ты чего такой покоцанный? Прямоком с фронта пришел? – рассмеялся Миша.

– В детстве не мог усидеть на месте, – все так же улыбаясь, проговорил Дюк.

Он никак не мог решить, что его забавляет в отце Эрика больше: смех или манера разговора.

– До чего классный у тебя батя, дружище! – воскликнул он уже в комнате у ребят, сидя на полу у матраса и раскрывая пачку чипсов. Его переполняли эмоции. – Он такой веселый, добрый... – погрузневшим вмиг голосом продолжил он, вспоминая, как рос в детском доме, хотя отца своего помнил прекрасно. Как они играли в футбол на спортивном поле, летом смотрели на небо, усыпанное звездами, изучали динозавров по энциклопедиям, страницы которых Дюк уже знал наизусть, как папа читал ему сказки на ночь и говорил, что сильно любит его и что Дюк так много значит для них с мамой. – Ну так что, смотрим фильм? – наигранно взбодрился он.

Фильм, возможно, и был интересный, но Аня уснула после первых двадцати минут, положив голову на плечо Эрика.

– Давай я переложу ее, тебе неудобно.

Дюк поднял Аню на руки и аккуратно уложил ее на матрас.

– Она похожа на грибочек, – нежно улыбнулся он, занимая место Ани возле Эрика на полу.

– Грибочек? – переспросил Эрик.

– Да, на поганку. Такая же бледная.

– Я думаю, грибы за куполом сейчас красные.

– И то верно, – согласился Дюк, задумавшись. – Что случилось во время поездки?

– Публичная казнь. Аня не могла спать, я рассказал ей про болезнь.

– И ты не хочешь знать правду?

– Нет, – немного помолчав, ответил Эрик. – Оно того не стоит.

«Оно стоит куда большего», – подумал Дюк и посмотрел вверх.

– Красиво... – прошептал он, рассматривая небо, нарисованное на потолке.

* * *

Утром Дюку не хотелось возвращаться в свою маленькую квартирку три на три метра, которая выдавалась детям-сиротам по достижении шестнадцати лет – ее стены просто давили все то время, пока он находился там. Более того, нагнетающий эффект стен стал хуже, когда Дюк понял, что не все живут так, как он во втором секторе.

Как утверждал Дюк, из друзей у него был только Эрик, поэтому на день он тоже решил остаться, с позволения Миши.

– Ты правда из второго сектора? – спросила Аня, поравнявшись с ним.

– Да, – кивнул Дюк, доедая на ходу дешевый бутерброд, разогретый в микроволновке продуктового магазина, с таким удовольствием, словно это была еда богов. Соус, явно чем-то разбавленный, стекал с его бледных рук.

– И правда детдомовский выпускник?

– Это тебе Эрик сказал?

Дюку, конечно, было лестно осознавать, что им так заинтересованы и даже обсуждают между собой, но начал переживать о содержании разговора.

– Я лишь сказал, что у тебя, насколько я знаю, нет родственников, – вмешался Эрик в попытке сбросить с себя клеймо сплетника и недовольный взгляд Дюка.

– Все верно, детка. Я из второго сектора, детдомовский. Из тех ребят, от которых обычно говорят держаться подальше.

– Я не об этом. Мне просто интересно, как там живут люди. Я никогда не была там.

– Как в аду, солнце мое, – прошептал Дюк. – Но выжить можно.

– Я могу приехать к тебе в гости?

– Не можешь. – Резкие слова Эрика заставили Аню немного отпрянуть от Эрика, и, пошатнувшись, она чуть не врезалась в Дюка.

– Можешь, конечно. – Дюк удивленно посмотрел на Эрика, но, поймав на себе грозный взгляд, добавил: – Но тебе явно не понравится. И коменданты могут тебя съесть.

– Какие коменданты? – заморгала Аня.

– Собаки-людоеды.

– Ты врешь, – возмутилась Аня, но Дюк промолчал. – Эрик, он врет?

Дюк отошел в сторону, выбросил упаковку от еды. Он явно не желал продолжать разговор дальше. Эрик же просто отрицательно помотал головой. Когда они подходили к вокзалу, уже ненадолго отошел сам Эрик, чтобы купить Ане газировки, и та решила воспользоваться моментом.

– Я слышала... – тихо прошептала она, смущенно поднимая взгляд на друга.

– Что слышала? – наигранно усмехнулся Дюк, уже догадываясь, о чем пойдет речь.

– Я слышала, как вы говорили с Эриком вчера. – Аня закрыла глаза, ожидая поучительных фраз о том, что так делать нехорошо. Но реакции не последовало.

– Так?

– Я хочу... Хочу правду знать. Я плохо сплю...

– Хм... Мы что-нибудь придумаем, – улыбнулся Дюк, взъерошив Ане волосы.

– Ты ведь соврал про собак-людоедов?

– Я все тебе расскажу. Только позже, – подмигнул он и прижал указательный палец к губе.

Глава 5

Страх имеет свойство утомлять. И, когда бояться нет больше сил, человеку проще убедить себя пойти на риск. Будет ли риск оправдан? Это всегда зависит лишь от того, какой вывод мы сделаем в конце, когда последствия настигнут нас с головой.

Но сейчас Аню нагнали только сомнения – кажется, Дюку она поверила зря.

– Где вы? Почему не на работе? – кричал Эрик в телефонную трубку, нервно расхаживая по своей комнате. Он специально ушел из мастерской в надежде найти Аню дома. Она давно должна была вернуться из академии. Но ее не было. На звонки тоже не отвечала, и более того, как сказал ее куратор, на учебе сегодня не появилась.

– Спокойнее, парень. Мы отпросились, – хорошо контролируемым голосом ответил ему Дюк.

– Это мне уже сказали! И куда вы поехали? В третий?! Мало того, что ты меня не предупредил, так ты еще отпросил ее с учебы, прикрывшись моим именем, Дюк! – Эрик не мог найти себе места от злости и беспокойства.

– Извини, связь пропадает. – От нежелания слушать это Дюк закатил глаза.

– Что? Гд... – Эрик не успел договорить – пошли короткие гудки.

– Что случилось? – вмешался Миша, обнимая Лиду на пороге комнаты. – Что-то случилось с Аней?

– Аня... Она... Пап... – От растерянности Эрик едва выговаривал слова. Остановившись, он с размаху опустился на матрас и закрыл ладонями лицо.

– С ней что-то случилось? – поинтересовался отец участливо и сел рядом.

– Она прогуляла сегодня учебу. Пока не знаю, как это повлияет на табель, но это не самое страшное. Кажется, она с моим коллегой с работы, и они, – Эрик усмехнулся, но смехок этот до ужаса походил на тот, что издают на грани истерики. – Кажется, они отправились в третий сектор.

– Зачем? Свидание? – усмехнулся Миша. – Ох проказник. Я сразу заметил, что она ему понравилась!

– Если бы, – прошептал Эрик, глотая колющий ком в горле. – В третьем секторе мы видели публичную казнь мальчика. Лет двенадцати... Аня очень сильно переживала, много плакала, не могла спать. И я рас... рассказал ей о ракете, о взрыве... И о последствиях. О том, что рассказывал ты, то, что помнил сам. Ты сам знаешь, что это отличается от официальной версии.

Миша не сразу заметил, что у Эрика трясутся руки. Очень непривычное состояние для его сына. Насторожился и он.

– Ну, и что ты ей рассказал?

– Сейчас не совсем это важно. Важно, чтобы они не сказали о причине поездки кому-то еще. А я уверен, что причина – в этой казни. Я не хотел говорить о Дюке плохо, потому что парень-то он хороший, но подозрительно часто поднимал тему охоты в неподходящем месте, все расспрашивал про казнь, которую мы видели, и я уверен, у него есть заинтересованные в этом знакомые. – Эрик попытался унять дрожь, прижимая ладони к коленям, отчего те тоже начали мелко подрагивать. – Я боюсь, что он втянул в это Аню. Кажется, они поехали к семье убитого мальчика.

– Ха, да не переживай! Где они сейчас найдут ее! – с улыбкой на лице произнес Миша, хлопнув сына по спине.

– У этого идиота могут быть данные. У него есть справочная информация практически на всех, кто живет под куполами. А еще доступ к засекреченной информации правительства... Это он рассказал мне про мутации. Он что-то ищет. Я так надеялся, что это глупости, не верил ему, думал, что дальше разговоров дело не пойдет!

– Ах, эта девчонка! Я знала, что когда-нибудь она накличет на наш дом беду! – вступила в разговор Лида.

Оглянувшись, Эрик увидел, что мать скрестила на груди руки.

– Неужели у нее нет своей головы на плечах?! Неужели не понимает, как это опасно! Просто эгоистка! Всех под уд...

– А ну, тихо! – шикнул в ответ Миша. – Это моя вина, а не ее! Я догадываюсь, что ее беспокоит. Старый дурак, не мог язык за зубами удержать! Надо было либо молчать, либо выкладывать все... Эрик, езжай за ними. – Последние слова прозвучали так тихо, что Эрик их скорее додумал, чем услышал. – А я наведаюсь к старому другу. Если вдруг что-то пойдет не так, надеюсь, я смогу замять это.

С благословением отца, если это можно было так назвать, Эрик вскочил с матраса и, мимоходом обняв отца, выскочил из квартиры.

– ...Еще раз напоминаем вам о соблюдении правил безопасности вблизи железнодорожных путей. Помните, что ни в коем случае нельзя находиться рядом с начинающим движение поездом при открытом защитном барьере во избежание воздушного удара... – механический женский голос на вокзале монотонно проговаривал текст так, словно обращение было адресовано лично Эрику.

– Билет до третьего сектора на ближайший поезд, пожалуйста, – тяжело дыша, прошептал он, протягивая карту все еще трясущимися руками.

– Эй, парень, смотри, куда бежишь! – крикнул невысокий мужчина в бежевом смокинге, которого Эрик задел плечом, пока спешил к рельсам.

– Извините!

Тем временем, закончив разговор, Дюк отключил телефон и вернулся в купе. Он пытался скрыть беспокойство и натянуто улыбался. Сразу начал перебирать в голове варианты того, что при встрече с ним сделает Эрик и как после такого вернуть его расположение.

– Кто звонил? – прошептала Аня.

– Да так... По работе. Спросили, ждать ли нас завтра.

– Что ты ответил?

– Скорее всего, да.

– Ладно. – Аня опустила взгляд, и, как только она разрешила себе расслабиться, ее словно осенило. – Дюк, слушай, Эрик, наверное, переживает?

Меньше всего ей хотелось заставлять брата волноваться. Надеялась ведь, что, как и заверил Дюк, брат ни о чем не узнает. Но двадцать три пропущенных звонка от Эрика давали явный ответ на вопрос, который она не хотела задавать вслух.

– Конечно, переживает! Ты же уехала на поезде с малознакомым типом, то есть со мной, ничего ему не сказав. Полагаю, он места себе не находит. – Лицо Дюка было совершенно серьезным.

«Вот и все, – подумала Аня. – Эрик уже точно знает о нашей поездке. Мне конец».

В этой ситуации брата она боялась больше, чем Жнецов. Те хоть убивают быстро.

Пассажирка, сидевшая напротив и внимательно слушавшая этот диалог, удивленно посмотрела на своих соседей, но, встретившись с недовольным взглядом Дюка, резко укрылась за газетой.

– Умеешь успокоить.

– Ну извини. Но у меня же определенно есть другие хорошие стороны, из-за которых я тебе нравлюсь? Не просто же так ты со мной поехала, – улыбнулся Дюк в своей самовлюбленной манере. Иногда он ловил себя на мысли, что такое поведение было свойственно ему лишь в те моменты, когда он сомневался и просто хотел получить немного поддержки.

– Сейчас не нравишься, – забавно сощурилась Аня, и кончики ее губ победно приподнялись, когда она заметила, что Дюк, кажется, расстроился, услышав ее ответ.

* * *

– Почти пришли. Эй, ты чего зависла? – спросил Дюк, легонько толкая ее в плечо.

Аня не сводила глаз с телефона, наблюдая очередной входящий звонок от брата.

– А? Извини... Пришли? Ты уверен, что это ее дом? – оторвалась она от девайса. – Может, мы ошиблись?

– Все в порядке, я проверил по стокам данных. И в справочнике тоже этот адрес. Ее зовут Мария Волкова, и мы точно на месте.

– Дюк, я не думаю... – замялась Аня, готовая отступить. Ее, несомненно, восхищала смелость Дюка, которая, казалось, передалась ей, когда она согласилась на такой безрассудный поступок. Да и интерес тогда превосходил здравый смысл...

– Аня, мы не делаем ничего плохого. Мы просто зададим вопрос, а ответ останется строго между нами. Ладно? – Его тихий голос, кажется, с легкостью успокоил шторм, бушующий в ней. – Такие, как мы, Аня, не должны бояться. Страх нам только мешает, – подмигнул он.

Казалось, сейчас Дюк увидел ее настоящую: ту, что когда-то настоящей считала и она – готовую бороться. Сидя за партой, она не раз представляла себя маленькой революционеркой, спасавшей этот мир от тирании. Но сейчас Аня поняла – это всего лишь фантазия. Она не такая смелая, какой ей хотелось бы быть. Вдобавок она чувствовала себя неловко, вмешиваясь в чужую жизнь.

Да, она тешила себя тем, что говорить будет Дюк, а маму мальчика никто не станет принуждать к беседе. «Скорее всего, она просто нас выпроводит. Да, просто выгонит, и все закончится хорошо», – решила Аня, и тут же ее привлек странный звук. Аня не сразу сообразила, что пришло сообщение на ее смарт-браслет – гаджет, которого никто из ее семьи не мог себе позволить, но подаренный ей не так давно на день рождения на средства, скопленные совместными усилиями. Приятный женский голос спросил, вывести ли текст на голографический дисплей или напомнить о нем позже. Это было первое сообщение от Эрика после его многочисленных попыток дозвониться. Выбрав утвердительный ответ и подождав, пока в воздухе зависнет цветной экран, воспроизведенный лазерными лучами браслета, Аня пробежала глазами предложения:

«Аня, пожалуйста, скажи мне, где вы сейчас. Я скоро буду! Знаю, что вас поздно останавливать, не переживай, просто скажи».

– Ну, ответь ему, – невозмутимо бросил Дюк и, подождав, пока она наберет ответное сообщение, что-то нажал на цифровой клавиатуре домофона, затем потянул на себя открывшуюся дверь и придержал ее, пропуская Аню вперед. Развивающаяся у Дюка паранойя заставила его оглядеться, перед тем как он закрыл дверь.

Внутри дома было опрятно и чисто, хотя голубоватого цвета стены местами уже были сильно истерты, и простенькие серые ступеньки лестницы, окаймленной расшатанными перилами, говорили о том, что подъезд давно не ремонтировался. Поднявшись на четвертый этаж и подойдя к двери нужной квартиры, Дюк нажал на кнопку звонка. Через несколько секунд дверь открыла женщина лет сорока – сорока пяти. У нее были спутанные русые волосы и широкие плечи. Махровый халат, опоясанный белой лентой, не мог скрыть ее массивную фигуру. «Точно она, как на фото с анкеты», – подметил про себя Дюк.

– Чем я могу вам помочь? – с подозрением спросила женщина, окинув ребят недоверчивым взглядом.

– Здравствуйте! Меня зовут Дюк, а это А...

– Меня не интересует реклама и товары, уходите, – перебила его хозяйка квартиры и попыталась захлопнуть дверь, но Дюк вовремя вставил ногу в дверной проем.

– Мы здесь из-за вашего сына, – сказал он.

– Тогда тем более уберите! Он мертв!

Аня вздрогнула. Даже если у нее и были сомнения, а та ли женщина стоит сейчас перед ними, то сейчас они испарились – это выражение лица она уже видела... Они действительно стояли на пороге Марии Волковой.

– Да послушайте же! – Дюк, значительно превосходивший хозяйку квартиры ростом, наклонился к ее лицу. – Я знаю, кем должен был быть ваш сын... Но я не знаю, каким он был на самом деле. И хочу узнать. Поверьте мне, это очень важно!

Аня недоумевала. Она замерла у лестничного пролета, готовая развернуться и уйти, поэтому не слышала разговор, но видела, что слова Дюка напугали женщину.

– Нам очень нужна ваша помощь, – сказал он, убирая ногу.

* * *

Когда Аня шагнула за порог квартиры, ей показалось, что она попала в другой мир. Здесь царил уют: спокойные персиковые обои, вдоль коридора с самого потолка свисали живые растения, опускаясь до маленьких навесных светильников, стены увешаны фотографиями: вот хозяйка квартиры с сыном, рядом еще две девушки – все тепло улыбались. Кем они приходились друг другу, сложно понять. Внешне разные: у одной светлые волосы, круглое лицо, вторая – совсем бледная, волосы рыжие. Мама и сын же были похожи друг на друга: угловатые черты лица, вьющиеся волосы. На фото они выделялись. И вовсе не тем, что сидели на переднем плане, а из-за кудряшек: их силуэт расплывался. Казалось, словно этих двоих в спешке вывел художник углем, так и оставив.

Собранная белая тонкая ткань над коридором свисала маленькими волнами у потолка, и создавалось впечатление, что над головой парят маленькие облачка. Далее она переходила в шторку, разделяющую кухню и коридор. Гобелены с цветами над обеденным столом стали последним, на что обратила внимание Аня, перед тем как врезаться в Дюка. Кажется, он тоже заметил, что оказался как будто на веранде волшебного сада. Это ощущение одурманило Аню. Страх, не дававший ей покоя, утих. Она присела на деревянный белый стул с мягкой подушкой и долго еще не могла принять удобную позу – все рассматривала его расписные ножки, такой

же узорчатый стол. Потом поймала теплую улыбку Дюка. Будь тут Эрик, он бы давно одернул ее и попросил не вести себя как ребенок. Но Дюк умилялся и даже не думал ее останавливать.

– Что вы хотите узнать? – поинтересовалась хозяйка, наливая чай.

Ароматный запах бергамота быстро распространился по кухне. Из открытого окна доносились детские крики. Аня разглядела детскую площадку, где бегали дети, и представила себе, как ребенок, застреленный при ней, играл там же. Играл, ни о чем не подозревая и наверняка мечтая вырасти полезным для общества. Или же... он правда был опасен? Вспомнилась казнь. Аня почувствовала, как ей стало тяжело дышать. Она сделала глубокий вдох, но выдохнуть не смогла. В груди все сковало. Внезапное прикосновение холодной руки к открытому плечу отрезвило ее, и она посмотрела на Дюка. Захотелось натянуть серую кофту на плечо, откуда она сползла, но Аня не стала. Она подумала, что этим жестом может обидеть Дюка. Возможно, настолько, что он никогда больше к ней и не прикоснется.

– Все хорошо. Мы в безопасности. Ладно? – прошептал он, и она смогла выдохнуть.

«Просто не думай об этом, не представляй. Представляй море. Берег...» – Аня мысленно уводила себя от казни и возвращалась к Дюку. Она смотрела на него, и в голове мелькало с десяток вопросов: «Ты вообще знаешь, что такое страх, Дюк? Зачем ты это затеял? Ты сам мутант или у тебя своя корыстная цель? А зачем тогда тебе такой балласт, как я? Кто ты, черт возьми, вообще такой?..»

– Мы оказались в очень непростой ситуации, о которой не говорят вслух, и обсудить ее, честно говоря, нам не с кем... Мы детдомовские. И один наш друг – он тоже мутант. Мы хотели бы ему помочь, но даже не знаем, чем... и как.

Аня бросила на него удивленный взгляд, а он только подмигнул. Мол, доверься, я знаю, что говорю. «Отчасти он не соврал. Дюк детдомовский... Может, друг, о котором он говорит, – это он сам?» – осенило ее. Она широко распахнула глаза и начала искать на друге следы мутации, хотя сама и не знала, как эта мутация проявляется. Или Дюк врёт? Аню настигла злость, а следом опять появился страх, и наконец эмоции смягчились – теперь она ощущала лишь сожаление. Как только они перешагнут за порог этой квартиры – он расскажет все, она не отстанет.

– Вы нам очень поможете, если расскажете о своем сыне. О том, каким он был, – продолжал Дюк. Сейчас он казался до ужаса беспомощным и уязвимым.

Хозяйка опустила кружки с чаем на стол и села напротив ребят. Она рассматривала их так же, как и Аня пару секунд назад рассматривала Дюка – словно искала в них черты, выдающие мутантов. Ане стало не по себе, и сдавшись, она все же натянула кофту, застегнув замок не до конца.

– Говоришь, друг у тебя такой же. Хорошо, я расскажу о своем сыне. – Мария сделала глоток и вздохнула; казалось, что Дюк убедил ее в своих намерениях. – Он был необычным ребенком. Как и еще сотня рожденных сразу после войны. Эти дети не плакали, когда им перерезали пуповину. Просто открывали глаза и делали громкий вдох... Их глаза... Они были черные, как смола, а из десен торчали клыки, а на шее, вот здесь, – показывала она пальцем на сонную артерию, – были отверстия, словно жабры. Но буквально в следующую минуту все исчезало. Таких детей было велено собирать и вывозить. Мы не знали, куда... Я тогда работала акушеркой, помогала принимать роды. Естественно, матерям ничего нельзя было сообщать, нас неоднократно предупреждали, что это чревато большими проблемами. И мы говорили, что их дети были мертворожденными. А на самом деле, – продолжала она сквозь слезы, – я подслушала разговор двух солдат, которые их забирали, и узнала... Их просто оставляли в лесу, за куполом.

Мария уже не сдерживала слез, яркие картинки всплывали в ее голове, словно все это произошло вчера. Дюк, не задумываясь, обернулся, отыскал кухонное полотенце за спиной, снял его с крючка и протянул хозяйке.

– Считалось, – заговорила она, – что так государство и детей не убивает своими руками, и защищает мирных граждан. Дима... не мой сын, на самом деле он мне племянник. Когда у сестры родился ребенок, несколько моих коллег помогли организовать мои «роды», и я взяла декретный отпуск. Юле, сестре, сказали, что ребенок умер. А она увидела его глаза, жабры, слышала, как он вздохнул. Не поверила... В общем, она в психиатрической больнице повесилась... Думала, что дьявола родила.

– Это, конечно, грустно, – вмешался Дюк и тут же затих.

Кивок – она то ли согласилась, то ли приняла его соболезнования.

– Эти дети... Правительство все время пытается убедить нас, что они – угроза. Но нет... Я вас уверяю, добрее Димы не было ребенка. Да, он отличался от обычных детей. Он быстро бегал, хорошо учился, запросто решал самые сложные задачи по любым предметам... А знаете, как он любил читать? – На глазах Марии снова появились слезы. – Каждую свободную минутку, как заведенный. Никогда не болел...

– Как они узнали о нем? «Правительство»? – внезапно подала голос завороченная рассказом Аня.

– В академии какой-то мальчик ткнул его вилкой в руку... Уголовник чертов! Рана зажила меньше чем за четыре часа. Даже шрама не осталось.

– Точно! – Глаза Дюка загорелись.

– Что? – удивились и Мария, и Аня, но спросить решила только Аня.

– О, ну это... регенерация – это хорошая способность, у моего друга то же самое.

Наступила тишина.

– Этот друг, – начал Дюк, понимая, как сглупил, – рассказал как-то, что таких, как он, убивали. Его предупредили об этом. Это подтверждают ваши слова.

– Возможно, если вашему другу около десяти, то я приложила руку к тому, чтобы он остался жив. Сколько ему лет?

– Д... Десять. О чем вы говорите? – заикнулся Дюк, и Аня опять широко раскрыла глаза, еще больше запутавшись в показаниях Дюка. Самому ему точно больше десяти. О ком тогда речь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.